

## *А.С. ПУШКИН И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС*

« - Следовать за мыслями великого человека - есть наука самая занимательная», - говорил А.С. Пушкин. Об этом знаменитом изречении мы много раз вспоминаем в дни, когда отмечается юбилей поэта. Вновь и вновь мы обращаемся к его творческому наследию, находя в нем те мысли, следовать за которыми, полезно во все времена.

Удивительно, как сегодня современен Пушкин! Точно и мудро осмысляя свое время, он приходил к таким художественным обобщениям, которые навечно сохраняют свое общественное значение. Сегодня, например, с особой остротой воспринимаются строчки из стихотворения «Воевода Милош», написанного поэтом в 1835 году:

Над Сербией смилуйся ты, боже!  
Заедают нас волки янычары!  
Без вины нам головы режут,  
Наших жен обижают, позорят,  
Сыновей в неволю забирают,  
Красных девок заставляют в насмешку  
Распевать зазорные песни  
И плясать бусурманские пляски...! (III, 307)

И пусть сейчас другой век, конец весны 1999 года, но суть дела это не меняет: Сербия снова стонет, на этот раз от бомб сильных держав. Нам близка и дорога мысль поэта, выраженная в этом стихотворении, как и в других «Песнях западных славян», согласно которой никто не вправе вторгаться на территорию другого народа, насильничать, навязывая свободным людям свою волю, свою веру, какими бы хорошими они ни были.

Пушкин - человек мира. Гуманный пафос всего его творчества вытекал из убеждения, что все люди - братья. Они могут различаться антропологически (цветом кожи, формой черепа), стоять на разных ступенях цивилизации, исповедовать разные религии, но все равно быть при этом братьями, одинаково представлять на планете Земля род людской. Не случайно всегда, когда он в том или ином произведении касался вопроса об отношениях между нациями, у него выходило из-под пера слово «семья».

В знаменитом послании «Клеветникам России» (1831) он дает гневную отповедь силам, которые хотели бы усугубить возникший тогда конфликт между русскими и поляками, подчеркивает и неоднократно повторяет мысль о том, что это вражда «семейная». Хоть и затяжная, но преходящая.

Он выражал полную солидарность с великим А. Мицкевичем, который будучи в Москве говорил с ним

... о временах грядущих,

Когда народы, распри позабыв,

В великую семью соединятся. (III, 279)

Итак, сообщество российских или славянских народов - одна семья. Не дорогой ли для нас урок? В современных спорах о суверенитетах, о правах не потеряли ли мы главный ориентир, ту точку на историческом горизонте, к которой, по мысли А.С. Пушкина, должно двигаться человечество - «к семье единой»?!

Семейные отношения - родственные отношения. Здесь можно быть откровенным, можно подразнить брата, сестру, обозвать их сгоряча обидным словом (вспомним: «башкир безобразный»), можно не разводить, необходимую в других условиях, дипломатию и, если еврей жадничает, наживается ростовщицеством, он в глазах родичей сразу же становится «жидом», и Пушкин во многих своих сочинениях пользуется этим словом, не опасаясь того, что евреи на него обидятся, потому что по народной пословице, на своих обижаться, все равно что против ветра плевать. Но то, что разрешается в отношениях между своими, недопустимо, непозволительно для лиц со стороны. Любопытно в этом отношении признание, сделанное Пушкиным в письме к Вяземскому: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног, но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство» [X, 208]. Поэт убежден, что меж своими все возможно - ссоры, обиды, временные расхождения во взглядах, кажущееся чувство непримиримости, но рано или поздно это все проходит и чужому этого не понять. Разумеется, Пушкин, патриотизм которого широко известен, говоря о презрении к отечеству в частном письме, выразил свое временное настроение и в связи с конкретным обстоятельством: Вяземский в письме поэту рассказал, как петербургский свет шел на любое унижение, развлекая высокопоставленного европейского путешественника («датского кобеля»). Вот что вызвало в Пушкине чувство презрения и горячий протест. «Мы - отвечал он Вяземскому, - в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда» (там же).

Родственные отношения, по понятиям Пушкина, самые справедливые, потому что в семье все члены равны. В одной из дневниковых записей (29 ноября 1833 г.) поэт выразил свое негодование в связи с тем, что царь по разному относится к своим офицерам в зависимости от их национальности [VIII, 28-29]. В этом он увидел нарушение принципа равноправия, священного для гуманиста-просветителя.

Понятием семьи Пушкин объединял народы, населявшие Россию, чем сразу придавал отношениям между ними простой, естественный, дружеский характер. Для него, в художественном плане, было все равно, о ком писать - о русском, грузине, чеченце, молдаване, тунгусе, калмыке, татарине... С одинаковой симпатией он рисует образы горцев и цыган, украинцев и литовцев, русских и башкир. Среди адресатов его лирических посланий мы видим не только московских и петербургских красавиц, но и «грузинку со знойными очами», и веселую «кудрявую молдаванку», и «любезную калмычку», которая увлекла его «среди степей»... Мысленно обращаясь к последней, он признается:

Твои глаза, конечно, узки,  
И плосок нос, и лоб широк,  
Ты не лепечешь по-французски,  
Ты шелком не сжимаешь ног, -

Но для поэта все это не имеет значения, потому что красота воспринимается им в любой форме, в любой национальной оболочке. Как истинный художник он любовался калмычкой

... ровно полчаса,  
Пока коней мне запрягали,  
Мне ум и сердце занимали  
Твой взор и дикая краса. (III, 115)

Как и всегда, частный случай, мимолетное наблюдение дают поэтическому вдохновению Пушкина толчок для глубоких размышлений и принципиальных обобщений. Так и в этом стихотворении, отразившем его романтическую встречу с калмычкой по дороге в Арзрум, он приходит к мысли, что красота всечеловечна, хоть в «блестящей зале, в модной ложе», хоть «в кибитке кочевой...».

Пушкин вошел в историю мировой культуры не только как певец русской души, как автор, сумевший нарисовать в своих произведениях великолепные картины русской истории, русского быта, русской природы, но и как художник слова, первым из европейцев увидевший и воспевающий в своем творчестве красоты Кавказа, Крыма, Приднестровья, Бессарабии, описавший своеобразный быт и нравы населяющих их народов, воздавший должное их неповторимой и древней культуре.

Нужно вдуматься и по достоинству оценить как самый факт этих описаний, так и их общую тональность, полную сочувствия и любви к этим народам. На Кавказе в то время шла еще война. Царистская экспансия с большими трудностями и жертвами пробивала себе дорогу. Взаимная ненависть горцев и завоевателей, казалось бы, не имела границ. И вот находится поэт, который подходит ко всему этому с особой точки зрения. Он берется

объективно и здраво осветить происходящее. Горцы защищают свою свободу, и уже поэтому в глазах вольнолюбивого поэта заслуживают уважения, сочувствия.

Свои впечатления от встреч с чеченцами, черкесами, кабардинцами Пушкин передает в поэме «Кавказский пленник», описывая состояние своего героя, наблюдающего жизнь пленивших его людей.

Но европейца все вниманье  
Народ сей чудный привлекал  
Меж горцев пленный наблюдал  
Их веру, нравы, воспитанье,  
Любил их жизни простоту,  
Гостеприимство, жажду брани,  
Движений вольных красоту,  
И легкость ног, и силу длани... (IV, 114)

Поэт, глубоко русский и несомненно желавший победы своим соплеменникам, стремится быть предельно объективным в описании «драчливых» горцев, принесших, по его собственному признанию, так много зла его народу. Он характеризует их не с позиций враждебного стана, а с точки зрения человека, стоящего выше национальных распрей, понимающего и осуждающего волчьих законы, которые в то время -увы! - правила миром. В какой-то мере он противопоставляет «диких горцев» «хладным людям Севера», кичащимся своей принадлежностью к европейской цивилизации. Именно в этом смысл образа черкешенки, которая, спасая русского пленника и жертвуя своей любовью во имя его счастья, проявила столь высокое качество благородной души, какого, по признанию героя, он не встречал среди людей его круга. Вспомним, что подобное же противопоставление мира «цивилизации» и мира «дикости» мы находим и в поэме «Цыгане».

Пушкин не идеализировал горцев или цыган, а изображал их такими, какими они были на самом деле, какими и должно их воспринимать на данной стадии их исторического развития. Да, цыгане - нищие бродяги, да, они «ленливыми толпами» «в шатрах изодранных» кочуют «без цели, без труда». Да, чеченцы и черкесы живут явным разбойничеством, в каждом из них «таится» «коварный хищник», с детских лет их мужчины готовятся к бранной жизни, «к войне заранее приучаясь» Настоящий «черкес оружием обвешен»:

Он им гордится, им утешен;  
На нем броня, пицаль, колчан,  
Кубанский лук, кинжал, аркан  
И шашка, вечная подруга  
Его трудов, его досуга... (IV, 114)

И все это подчинено одной задаче: ловко и быстро убить «чужака», «в ночном мраке» напасть на казачью станицу, увести в горы отару овец или табун лошадей, притащить на аркане пленника и потом получить за него выкуп. Характеристика неприглядная, но справедливая, и в то же время в ней нет осуждения. Почему? Во-первых, потому что обычаи любого народа необходимо уважать: во-вторых, чеченцы и черкесы (Пушкин их, кажется, не различает) жили на своей земле и враждовали лишь с «непрощеными гостями». Поэт особо подчеркивает, что воинственный дух горца сразу же исчезал, когда к нему обращался за помощью мирный странник, усталый путник:

Когда же с мирною семьей  
Черкес в отеческом жилище  
Сидит ненастною порой  
И тлеют угли в пепелище;  
И, спрянув с верного коня,  
В горах пусынных запоздалый,  
К нему войдет пришлец усталый  
И робко сядет у огня, -  
Тогда хозяин благосклонный  
С приветом, ласково, встает  
И гостю в чаше благовонной  
Чихирь отрадный подает. (IV, 116-117)

Мысль об интересе и уважении Пушкина к обычаям народов хотелось бы особенно подчеркнуть. Гуманистическое мировоззрение поэта с наибольшей силой проявилось именно в этом факте. Обычай - это память народа, память нации, а в памяти - «самостоянье человека и все величие его» [III, 468]. С осуждением Пушкин относится к тем людям, к тем группам населения, тем более, к целым этносам, которые забывают обычаи предков, не дорожат ими, не знают их. С удовольствием Александр Сергеевич пересказывает в своем дневнике эпизод из жизни Екатерины II, когда она отчитала княгиню Дашкову, которая вопреки русскому православному обычаю, запрещающему женщине входить в алтарь, сделала это, да еще в шумной компании светских девиц. «Как вам не стыдно, - выговаривала Екатерина. - Вы русская - не знаете своего закона...» [VIII, 30].

Любопытно в этом отношении стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят» (1830). Гяуры, как известно, это люди, отрекшиеся от ислама, враждебные ему. Поэт осуждающе оценивает ситуацию в Турции, где под влиянием «лукавого Запада» предаются забвению «заветы старины», исчезают национальные традиции.

Стамбул отрекся от пророка;  
В нем правду древнего Востока  
Лукавый Запад омрачил -  
Стамбул для сладостей порока  
Мольбе и сабле изменил.  
Стамбул отвык от поту битвы  
И пьет вино в часы молитвы... (III, 194)

Удивительный факт! Русский православный человек, которому, казалось бы, и дела нет до того, что там творится в мусульманской стране (тем более, что Россия во времена Пушкина с ней воевала), вдруг забеспокоился о состоянии чуждой ему веры, о сохранности непонятных ему обычаев. В том-то и величие русского национального поэта! Он, считая всех людей братьями, мог объективно и с интересом, с внутренней симпатией смотреть на любой народ. Особенно это относится к народам, населявшим Россию.

Мало кто знает, как внимательно, пристально изучал Пушкин народы русского Севера. Сибири и Урала. Задумав писать роман про Ермака, он упорно и целеустремленно собирал исторические, этнографические, фольклорные материалы о ханты-мансийцах, эвенках (тогда их называли тунгусами), камчадалах, чукчах... Этот интерес у Пушкина был принципиально обусловленным. Он долго и серьезно обдумывал слова английского посланника Джона Блая, который в разговоре с ним заметил: «Ваше место Азия: там совершите вы достойный подвиг цивилизации...» [VIII, 29]. Осознавая тонкую дипломатическую игру Блая, поэт вместе с тем понимал, что есть в его словах «рациональное зерно»: как М.В. Ломоносов, он верил, что «могущество России будет прирастать Сибирью».

В библиотеке Пушкина имелись: «Сибирский Вестник», специальный журнал, посвященный Сибири и Северу, издававшийся известным географом Г.И. Спасским; пять томов «Полного собрания ученых путешествий по России...», где были напечатаны труды И.И. Лепехина и С.П. Крашенинникова; труд И.С. Палласа «Путешествия по разным местам Российского государства»; книга Г.И. Шелехова о его странствиях «по Восточному океану и вдоль Американского берега» в 1788 году и т.д., и т.п.

Сохранились подробные пересказы Пушкиным романов И.Т. Калашникова «Камчадалка» и «Дочь купца Жолобова» («роман, извлеченный из иркутских преданий»). Известны были поэту и книги сибирского краеведа Н.С. Щукина «Поездка в Якутск» и «Посельщик. Сибирская повесть». В домашней библиотеке Пушкина нашлась книга очерков А.А. Бестужева

«Сибирские нравы. Исих». Стихотворение этого автора «Саатырь. Якутская баллада» поэт готовил к опубликованию в журнале «Современник».

Судя по извлечениям, сделанным Пушкиным из всех этих источников, а также по его заметкам на полях книг, его волновали две темы: 1) русская колонизация Севера, Ермак и его «сподвижники» и продолжатели и 2) быт и культура коренных насельников Севера. Последняя тема тесно связана с общим интересом Пушкина к ранним ступеням развития человеческого общества. Изучая этот быт и соответствующие ему нравы, поэт «завидует» естественному состоянию «дикого» человека и задается вопросом, насколько вправе так называемое цивилизованное общество вмешиваться в дела и обычаи людей, стоящих на более низких ступенях развития. Однозначного ответа на этот вопрос поэт не дает.

В черновом наброске «Цыган» есть такие строчки, передающие настроение Алеко, который размышляет о судьбе родившегося в условиях «цыганской вольности» сына:

От общества, быть может, я  
Отъсмылю ныне и ражданина -  
Что нужды - я спасаю сына -  
И я б желал, чтоб мать моя  
Меня родила в чаще леса,  
Или под юртой остяка,  
Или в расселине утеса. (IV 515)

Это упоминание о «юрте остяка» не случайно. Северные народы представлялись Пушкину такими же свободными, естественными, как цыганы, горцы, которым, «расти на воле без уроков», не знать «стеснительных палат», которые имеют счастье «не менять простых пороков на образованный разврат» [IV, 514]. Из «Описаний земли Камчатки» Крашенинникова он извлекает и подробно пересказывает сообщения о жилищах и одежде коряков, об их способах рыболовства и охоты, об их «непорочных» взаимоотношениях, обычаях и праздниках. Особо он останавливается на их фольклоре, восхищается его «поэтической чистотой» и «первобытной нетронутостью». Любопытна следующая его запись: «Молния редко видима в Камчатке. Дикари полагают, что гамулы (духи) бросают из своих юрт горящие головешки. Гром, по их мнению, происходит от того, что Кут (корякский Нептун. - А.Л.) лодки свои с реки на реку перетаскивает, или что он в сердцах бросает оземь свой бубен... Смотри грациозную их сказку о ветре и о зорях утренней и вечерней» [IX, 345-346]. Обратим внимание на эпитет «грациозная»: в устах Пушкина это чрезвычайно

высокая оценка поэтических достоинств фольклора коренных насельников Камчатки.

А.С. Пушкин мыслил исторически. Он понимал, что рано или поздно «младенствующие народы» станут «взрослыми», подвергнутся воздействию со стороны так называемых цивилизованных наций и в какой-то степени когда-нибудь сравняются с ними. Все дело в том, как будет протекать этот процесс - своим естественным историческим ходом или в мученических формах насилия, зла, надругательства над традиционной культурой младенствующего этноса. Великий русский поэт-гуманист с горечью и сожалением наблюдал, что процесс идет по второму пути.

В знаменитой и методологически очень важной статье «Джон Теннер» А.С. Пушкин гневно обрушивается на мнимую американскую демократию, которая в своем стремлении угодить интересам местной буржуазии, с «отвратительным цинизмом», с проявлением «жестоких предрассудков» и «нестерпимого тиранства» изводит «индийские племена», этих «древних владельцев земли», не щадя ни их законного права на жизнь, ни их самобытной культуры [VII, 435].

Пушкин рад был найти примеры другого рода. Его душа ликovala, когда он видел, что народ, еще вчера считавшийся «диким», сегодня выделял из своей среды людей творческих и мыслящих. В первом номере журнала «Современник» за 1836 год он приветствовал появление рассказа первого черкесского писателя Казы-Гирея, представляя этот факт как особый знак в исторической судьбе целого народа. «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! - восклицает редактор журнала. - Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно» [VII, 343]. У кавказских горцев во времена Пушкина еще не было своей письменности. Поэт понимал, что черкес пишет по-русски вынужденно, но это был шаг - и довольно значительный - в сторону просвещения «дикого» народа. При этом Пушкин подчеркивал, что «султан Казы-Гирей, видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным» [VII, 343], то есть оставался черкесом по мировоззрению и привычкам, что нашему поэту глубоко импонировало.

Высоко оценивая чувство национального достоинства в человеке, его верность обычаям старины, Пушкин, конечно, понимал, что обычаи бывают разные. Есть среди них и такие, которые будучи рождены во времена варварства, препятствовали сближению народов, сеяли семена раздора и вражды между ними. В этом Пушкин видел одну из причин межнациональных конфликтов, бесконечных войн, и прямо оценивал все это как реци-

дивы прежней дикости. Он верил, что народы скоро опомнятся, откажутся от привычек варварства и за высшее благо сочтут мирное сосуществование, выгодное для всех. При этом поэт предлагал учитывать фактор реальности и не биться за возврат к прошлому, если таковое стало достоянием истории - не более того. В эпилоге к «Кавказскому пленнику» поэт обращается к горцам одновременно и с выражением сочувствия и с призывом к миру:

Кавказа гордые сыны,  
Сражались, гибли вы ужасно;  
Но не спасла вас наша кровь,  
Ни очарованные брони,  
Ни горы, ни лихие кони,  
Ни дикой вольности любовь!  
Подобно племени Батыя,  
Изменит прадедам Кавказ.  
Забудет алчной брани глас,  
Оставит стрелы боевые.  
К ущельям, где гнездились вы,  
Подъедет путник без боязни,  
И возвестят о вашей казни  
Преданья гемные молвы. (IV, 130-131)

Как ни дорог чеченцу или черкесу обычай родовой мести, нужно признать, что он страшен, и для всех будет лучше, если эти народы от него откажутся. Как ни дорога горцу свобода, она не стоит вечной войны, в результате которой превращается в свою противоположность.

У нас почему-то мало обращают внимания на поэму Пушкина «Тазит» (1829-1830). Может быть, потому, что поэма осталась незавершенной. Но, на наш взгляд, интерес к поэме должен усиливаться именно благодаря этой незавершенности. Начало поэмы грандиозно - и по замыслу, и по воплощению. Изображается конфликт между отцом (Гасубом) и сыном (Тазитом). Широко распространенная в литературе тема отцов и детей здесь получает совершенно новую и неожиданную окраску: речь идет о двух разных отношениях к национальным традициям. Гасуб требует от сына, чтобы он, оставаясь верным законам своего народа, мстил, где только мог, за оскорбление своего рода, за убийство русскими казаками его брата. Гасуб и представить не может, что дело повернется как-то иначе; он весь во власти старинного обычая. Но Тазит уже «новый человек». Он не понимает и не хочет понимать, почему должен ловить на аркан или убивать из ружья незнакомого ему человека, хотя бы и русского, почему должен совершать набеги на казачьи станицы, ногайские аулы, воровать лошадей, брать пленных. Диалоги отца и сына красноречиво передают ход

времени, свидетельствуют о неизбежном торжестве общечеловеческих норм поведения в среде горцев. Гасуб вынужден был признать после очередного столкновения с сыном:

«Нет, мыслии он, не заменит  
Он никогда другого брата.  
Не научился мой Тазит,  
Как шашкой добывают злата.  
Ни стад моих, ни табунов  
Не наделят его разъезды.  
Он только знает без трудов  
Внимать волнам, глядеть на звезды,  
А не в набегах отбивать  
Коней с погайскими быками  
И с боя взятыми рабами  
Суда в Анапе погружать.»

(IV, 318-319)

Начало поэмы таким образом обозначило постановку важной общественной проблемы: сближение наций в ходе исторического процесса, преодоление отсталыми народами некоторых своих предрассудков, губительно отражавшихся прежде всего на них самих. Но дальнейшее развитие сюжета, судя по сохранившимся наброскам поэмы, пришло в противоречие в этом высоком замыслом: «странное» поведение Тазита, оказывается, объясняется тем, что он влюбился в девушку «чужого рода». Такая романтическая линия для русской и мировой литературы 20-х годов XIX века была слишком тривиальной. Поэтому Пушкин, осознавая огромную общественную значимость поставленной им проблемы, не хотел дискредитировать ее сведением конфликта к обычной любовной истории и отказался продолжить поэму. Но при этом стоит все же обратить внимание на интерес Пушкина к вопросу о любовных отношениях представителей разных народов. Мы знаем, что он, в частности, задумал написать большую поэму «Русская девушка и черкес»; в рукописях Пушкина сохранился подробно разработанный план ее [IV, 408-409]. В этом нельзя не видеть обычного для поэта представления о народах как членах одной семьи.

Итак, одним из источников национальной вражды Пушкин считал пережитки варварского состояния общества, устаревшие обычаи и предрассудки людей. Их устранение с исторической арены, по его мнению, способствовало бы миру и плодотворному сотрудничеству наций. Однако эти прогрессивные тенденции с трудом пробивают себе дорогу. Объясняется это уже новыми причинами - религиозными и социальными.

Пушкин, хотя и прошел школу атеизма, был верующим человеком и исповедовал православие. В то же время он уважитель-

но относился ко всем другим религиям и не понимал, почему различия в способах почитания Бога, почему принадлежность к той или иной конфессии должны порождать вражду, превращаться зачастую в длительные и кровопролитные войны. Он резко осуждает тех церковников, проповеди которых часто оказываются отголоском устаревших языческих предрассудков, выражают интересы какой-либо эгоистичной касты людей и служит катализатором национальной вражды.

Отчетливее всего эти идеи Пушкина прозвучали в его статье, посвященной анализу сочинений Георгия Кониского, архиепископа Белорусского [VII, 325-343]. Судьба этого православного пастыря - русского патриота оказалась весьма драматической. Он жил и проповедовал при Елизавете Петровне и Екатерине II, то есть тогда, когда большая часть Украины и Белоруссии находилась под властью католической Польши и униатской Литвы. Понятно почему деятельность православного пастыря, стремившегося к просвещению своих единомышленников, встретила враждебное отношение со стороны ксендзов и местной шляхты. Георгия многократно избивали и не раз пытались казнить, и только добрые люди прятали его и спасали. Особенно злило врагов православия то, что архиепископ не делал различия между нациями.

Получив в свои руки Белорусскую епархию в 1759 году, он понес Слово Божие в массы прихожан, состоявших, в основном, из русских, белорусов и украинцев. Для него это были народы-братья, родственные по происхождению, по языку и историческим судьбам. Но земли, занимаемые ими, полыхали в огне. Брат шел на брата. Почему? Архиепископ Георгий отвечает на этот вопрос: потому что римские миссионеры сеяли смуту, ходили от села к селу, поддерживаемые польской шляхтой, и где лукавством, где силой образовывали свои паствы, натравливая их на коренных жителей, остающихся верными православию. Вспоминая эти тяжкие времена, Георгий пишет: «Православие было гонимо католическим фанатизмом. Церкви наши стояли пусты или отданы были униатам. Миссионеры насильно гнали народ в униатские костелы, ругались над послушниками, секли их, заключали в темницы, томили голодом, отымали у них детей, дабы воспитывать их в своей вере, уничтожали браки, совершенные по обрядам нашей церкви, ругались над могилами православных» [VII, 326].

А.С. Пушкин не случайно так подробно пересказывает и цитирует Георгия Кониского. Этим самым он выразил свой протест против того, чтобы кто-то насаждал свою веру силой, да еще в таких бесчеловечных жестоких формах. Он протестует и против того, чтобы «вражьи силы», пользуясь Словом Божиим, разделяли единокровные народы, разобщали их. Великую заслугу Георг-

гия Кониского Пушкин видел в том, что тот, напротив, своими проповедями содействовал взаимопониманию народов, провозглашал, с точки зрения поэта, очень правильную человеколюбивую идею: единокровные народы-братья всегда должны быть вместе, и даже разные вероисповедания не должны разрушить их союз. Живя и проповедуя среди простого народа, ежечасно общаясь с крестьянами, ремесленниками, мастеровым людом, Георгий хорошо знал их интересы, а потому так точно и ярко выразил в своих сочинениях их стремление к единению.

Но на этом пути стояла еще одна враждебная сила - всякого рода господа, польские, украинские, белорусско-литовские шляхтичи, магнаты и помещики. Униатские затеи шли с их стороны. Пушкин, как несколько позже Н.В. Гоголь, справедливо полагал, что межнациональные уособицы выгодны именно господствующим классам. Измена Мазепы, этого Иуды, по определению Пушкина, имеет не столько национальные, сколько лично-престижные истоки, в ней проявилась философия феодального сепаратизма.

На страницах «Современника» Пушкин поместил изложение рукописного труда Г.А. Полетики «История Руссов или Малой России» (какое-то время Пушкин думал, что этот труд также принадлежит Конискому). Не зря наш прославленный поэт извлек на свет этот исторический труд. Волосы встают дыбом при чтении описаний, воспроизводящих чудовищные злодеяния католиков и униатов над русским православным людом. Но Пушкин обращает внимание, главным образом, на то, что исполнителями этих злодеяний были единокровцы, свои, русские, господа-помещики и шляхтичи. «Чиновное шляхетство малороссийское... отложилось от народа своего и различными происками, посулами и дарами закупило знатнейших урядников римских, сладило и задружило с ними, и мало-помало согласилось первее на унию. потом обратилось совсем в католичество римское» [VII, 337]. Более того, именно свои господа стали главными притеснителями народной веры, которую изживали с такой «неслыханной люто-стью», с такой «изуверской жестокостью», какая «никакому дикому и самому свирепому японцу не придет в голову, а произведение ее в действо устрасило бы самых зверей и чудовищ» [VII, 341]. Пушкину, видимо, судя по его комментариям к сочинениям Георгия Кониского, особенно дорога была мысль автора о необходимости вечного союза русского, украинского и белорусского народов, ибо его отсутствие приводило не раз их земли к разорению, а в будущем грозит последним разрушением [VII, 342].

Социальные корни национальной вражды для Пушкина очевидны. Простым людям делить нечего. Стремление разжечь

национальные страсти, чтобы нагреть на этом руки, свойственно только богачам - феодалам, капиталистам и так называемым «государственным мужам». Эта мысль звучит между строк и в послании «Клеветникам России» и особенно ясно в «Истории Пугачева» и в повести «Капитанская дочка».

«Общее возмущение башкирцев и калмыков», изображаемое здесь, Пушкин объясняет непомерным социальным их угнетением, которое одинаково шло как со стороны русских властей, так и со стороны башкирских старшин и баев, калмыцких князьков и ханов. Не случайно с такой иронией Пушкин характеризует Нурали-Хана и старшину Бикбая, которые готовы легко поверить, что Пугачев и есть настоящий царь, и все-таки предают его, борются с ним, потому что их пугает справедливый гнев людей труда, потому что в правлении Екатерины II они видят лучшую защиту своих интересов [VIII, 169, 172, 177]. Преследуя свои цели, иногда они, используя выгодную ситуацию, возмущают толпу, ведут битвы под лозунгом: «За национальные права!» - и ... бросают на полдороге, обеспечивая свое благополучие штыками карателей. Напротив, трудящиеся массы, влившись в войско Пугачева, меньше всего думали о национальных интересах, их - русских, татар, башкир, калмыков - объединяло стремление к социальной свободе, поэтому они сражались, как истинные братья [VIII, 231, 258].

Когда Пушкин в своем поэтическом завещании выражал веру, что будет «любезен народу», в частности, тем, что в свой «жестокий век» «восславил свободу», он, во-первых, под словом «народ» имел в виду союз народов, населяющих Россию, а во-вторых, славил, конечно, свободу социальную, которая по его мнению, обеспечивает и свободу национальную. Если народ, объединяющий различные этносы, живет в обществе, построенном по законам справедливости, он счастлив, богат, ему ни к чему раздоры и усобицы. Пушкин верил, что рано или поздно такое справедливое устройство общества в России будет достигнуто. Он понимал, что и сам внес свою лепту в это дело, чем несказанно гордился. Именно поэтому он мог сказать:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,  
И назовет меня всяк сущий в ней язык,  
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий  
Тунгус, и друг степей калмык. (III, 373).

Пророческие слова поэта начали сбываться в XIX столетии. Но тогда еще многие народы жили в состоянии неволи, влачили под гнетом царизма жалкое существование, не знали письменной культуры, например, те же тунгусы (эвенки) и калмыки. Только после Великой Октябрьской социалистической революции (как

бы к ней сейчас ни относиться, но игнорировать факты мы не можем) мечты поэта стали реальностью. В «Союзе республик свободных» Пушкин стал самым читаемым и почитаемым поэтом. Его стихи, повести, романы получили отклик в сердцах людей разных национальностей, зазвучали на языках, приобретших письменность только в годы советской власти. Их переводили, переиначивали, приспособливая к особенностям той или иной национальной культуры, но везде уважали и любили. Азербайджанский поэт Вахиду Дастгерди так объяснил эту любовь и признание:

О Пушкин, певец мира,  
Песни твои лучшие в мире,  
О, великий русский поэт...  
Не только Россия гордится тобой,  
Весь мир приобретает цену благодаря тебе...<sup>2</sup>

«Весь мир приобретает цену благодаря тебе», - хорошо сказано. Пушкин помогал народам осознать самих себя, стимулировал их духовный прогресс.

Армянский поэт Микаэл Налбандян прямо связывает популярность Пушкина у всех народов с его проповедью свободы. В стихотворении, представляющем собою авторизированный перевод пушкинского «Поэта», он с пафосом заявляет:

Свобода! - и пускай враги  
Ждут, гибелью грозя!  
Пускай огонь, пускай ни зги,  
Пускай ревет гроза!  
До виселичного столба  
Я руку к ней тяну,  
Свободу милую любя,  
Одну ее, одну!<sup>3</sup>

М. Налбандян как бы расшифровывает стихотворение А.С. Пушкина, и мысль последнего о свободе как главном условии поэтического творчества расширяет и связывает с идеей социальной свободы, лучшим выразителем которой был русский поэт.

Произведения Пушкина переведены на языки всех народов Севера. Их поэты называют его своим учителем, «светочем», благодаря которому они познали радость творчества. Они выражают признательность ему за его веру в их народ, который, как он и предсказывал, перестал быть «диким». Эвенк Алексей Платонов пишет:

Нерукотворный «Памятник»  
Мне ясно говорит,  
Что ты, великий Пушкин,  
Слышишь наши песни.

Ты, Пушкин, погляди  
На «дикого тунгуса» -  
Ведь это я - эвенк,  
Навек теперь свободный.  
(Перевод Глеба Семенова)<sup>4</sup>

Стихи Пушкина стали близкими и родными нанайскому народу.

На Малмыжском утесе стою,  
Весеннюю песнь пою.  
Книгу в руках держу,  
Стихи Пушкина читаю, —

пишет нанаяц Аким Самара в стихотворении «Весенний Амур»<sup>5</sup>.

Представители даже старых, испытанных национальных культур не стесняются признать первенство Пушкина, его выдающуюся роль в судьбах современных литератур. Как не вспомнить тут поэтическое высказывание великого татарского поэта Габдуллы Тукая:

Если Лермонтов и Пушкин —  
Каждый солнце в небесах,  
Я луною светлой буду,  
Их лучи в моих стихах<sup>6</sup>.

Когда выдающийся казахский акын Абай занялся переводом «Евгения Онегина», он, по признанию исследователя его творчества Мухтара Ауэзова, руководствовался мыслью, что все народы в соответствующих условиях думают и чувствуют одинаково, что русскому и казаху легко подружиться. Абай, как дитя радовался, узнав, что в бумагах Пушкина найдена была запись казахской народной поэмы «Козы-Курпеш и Баян-слу» (есть основание предположить, что рукопись этой поэмы попала Пушкину из рук известного уральского литератора, уроженца Верхнеуральска П.М. Кудряшева). Этот факт придал Абаю смелости, он переводил «Евгения Онегина» с ощущением, что характеры и судьбы героев романа в чем-то близки жителям казахских степей. Невероятно, но факт: многие отрывки из романа Пушкина в переводе Абая стали любимыми песнями казахов. Об этом свидетельствует, в частности, известный этнограф, путешественник Дмитрий Львович: «Признаюсь, сразу я собственным ушам не поверил... Вообразите только: старый киргиз распевал не более менее, как ... письмо Татьяны к Онегину... Я спросил Аблая (так звали певца. - А.Л.), не знает ли он, кто сочинил эту песню. По его словам выходило, что тоже какой-то ихний «улейши», об истинном авторе он, конечно, даже не подозревал»<sup>7</sup>. Свидетельство Д. Львовича относится к началу двадцатого столетия. Более поздние поколения казахов, советские люди, уже хорошо знали имя Пушкина и его произведения - хоть на казахском, хоть на русском языках.

«Пушкина, - вспоминал Мухтар Ауэзов, - знали, заучивали не только грамотные люди, но знали большинство акынов-певцов и поющая молодежь. Прекрасные, волнующие мелодии, сочиненные Абаем к тексту письма Татьяны, к объяснениям Онегина, широко разносились по казахским степям. Помнится, как пели девушки на качелях о душевных излияниях Татьяны, как пели на свадебных торжествах, на всяких семейных увеселительных вечерах признанные певцы. И всюду я бывал свидетелем того, с каким почитанием и благоговением внимал стар и млад чарующим пушкинским строкам. Недаром грамотные девушки из абаевской среды, выходя замуж, увозили в числе своего приданного рукописный сборник стихов Абая, в котором неизменно присутствовали пушкинские стихи»<sup>8</sup>. М. Ауэзов объясняет такую доходчивость Пушкина не только гениальной простотой его стиха, но и тем, что русские и казахи члены одной семьи... Вот оно! Сомкнулось! Мечта Пушкина о том, что рано или поздно народы России «в единую семью соединятся», в годы советской власти стала явью.

Увы! Перечисленные выше факты, свидетельствующие о том, что предсказания Пушкина о соединении народов в единую семью, не были утопией, поэтической фантазией, относятся к 30-70-м годам завершающегося столетия. Думаю, что если бы какой-то силе удалось сегодня поднять Александра Сергеевича из гроба, он, обозрев картину современной жизни, в частности, межнациональные отношения людей, вскричал бы от обиды и гнева, увидев, что наладившиеся было семейные связи между народами России усиленно и целенаправленно кем-то разрушаются, что даже его светлое имя втаптывается в грязь, памятники, установленные ему в национальных республиках, оскверняются, подвергаются уничтожению (во Львове, Вильнюсе, Риге, Грозном и т.д.) - и все из-за того, что «чувства добрые он лирой пробуждал», ратовал за соединение народов в «единую семью».

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: АН СССР, 1957. Далее в тексте все сноски на сочинения Пушкина даются по этому изданию с указанием тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

<sup>2</sup> Дастгерди В. Пушкин // Армаган, 1937, №1. С.10.

<sup>3</sup> Англология армянской поэзии. М.: Гослитиздат, 1940. С.364-365.

<sup>4</sup> Платонов Алексей. Аяткул стихиши, давлавурин (Избранные стихотворения и песни). Л.: ГИХЛ, 1940. С.44.

<sup>5</sup> Самара Аким. Стихлел (Стихи). Л.: ГИХЛ, 1940. С.45.

<sup>6</sup> Тукай Г. Избранное. М.: Сов. Писатель, 1971. С.116.

<sup>7</sup> Дм. Львович. По киргизской степи. СПб., 1914. С.108.

<sup>8</sup> Ауэзов М. Гениальные гворения // Культура и жизнь, 1949, 31 мая.